

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Коллектив авторов

**Социально-психологические
исследования коррупции**

«Когито-Центр»

2017

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Социально-психологические исследования коррупции / Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2017 — (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0351-8

Монография посвящена одной из актуальных и сложных проблем современной цивилизации. Объектом исследования является коррупция в качестве системного феномена в целом и социально-психологического – в частности. Предмет исследования – социально-психологические факторы коррупции. Цель работы – проведение комплексного анализа и оценки социально-психологических параметров проявлений коррупции (прежде всего в российском обществе). В работе обоснованы основные теоретические подходы к социально-психологическому исследованию коррупции в России и за рубежом. Выделены методологические основы и методический инструментарий исследования коррупции в современной социально-психологической и социологической литературе. Изложены результаты эмпирического исследования отношения различных социально-возрастных групп населения к коррупции и коррупционным правонарушениям. Проанализированы социально-психологические факторы и условия совершения коррупционных преступлений (на примере бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы). Сформулированы научно обоснованные предложения по социально-психологическим направлениям профилактики и противодействия коррупции.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0351-8

© Коллектив авторов, 2017

© Когито-Центр, 2017

Содержание

Введение	7
Глава 1. Теоретические подходы к социально-психологическому исследованию феномена коррупции	11
1.1. Социально-психологические факторы коррупции как предмет психологического исследования	11
Коррупция как социально-психологическая проблема	11
Отношение к коррупции в российском обществе	13
1.2. Социально-психологические исследования коррупции в России	18
1.3. Зарубежные социально-психологические исследования коррупции	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Социально-психологические исследования коррупции

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

Введение

Среди многочисленных социально-экономических и правовых проблем развития российского общества наиболее выпукло выделяется проблема коррупции. Современная коррупция пронизывает все социальные институты общества, неуклонно расширяет свои границы, становится серьезной угрозой стабильному развитию государства, угнетает субъективное благополучие человека, деформирует его правосознание. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности.

Отношение общества к коррупции и последствиям коррупционных правонарушений не всегда было однозначным. В некоторых странах на обсуждение данной темы было наложено табу, а в некоторых, напротив, расходы с коррупционной составляющей указывались в официальных налоговых декларациях. Аргументы в пользу существования «полезной» коррупции приводились даже в научных кругах. Однако результаты исследований последних лет доказали, что коррупция влияет на уровень экономического развития страны и что одним из ее негативных последствий является снижение конкурентоспособности государства. Так, например, среди наиболее острых проблем российского бизнеса предприниматели в 2014 г. выделили коррупцию в органах власти, высокие административные барьеры, недобросовестную конкуренцию и неэффективную судебную систему (Вандышева, Сапсай, 2015).

Негативные последствия коррупции для государства и бизнеса вынуждают власть совершенствовать законодательные основы противодействия данному явлению, а бизнесу приходится разрабатывать и внедрять корпоративные методы предупреждения коррупции. Население также вынуждено предпринимать меры по «выживанию» в сложившихся условиях повсеместного распространения коррупции. Каким будет решение, принятое каждым конкретным человеком в сложившихся условиях, не всегда можно предугадать.

По данным МВД РФ, общая экономическая преступность в России снижается с 2007 г. (см. рисунок 1). Однако снижение общего объема экономических правонарушений происходит на фоне увеличения коррупционных правонарушений, которые составляют 28 % от всех выявленных в 2014 г. преступлений. В абсолютных значениях количество зафиксированных коррупционных преступлений в 2014 г. превышает 30 тысяч. В 2015 г. более 600 чиновников были привлечены к уголовной ответственности за коррупцию, а средний размер выявляемых в России взяток вырос до 212 тыс. рублей (Доклад Генерального прокурора..., 2016). Более того, в обществе начинает формироваться такое явление, как «принуждение к коррупции», когда со стороны различных властных органов или правоохранительных структур оказывается давление на отдельного индивида – или даже коллективы – для достижения чьих-либо корыстных интересов (Макеев, 2016).

В связи с разрастанием коррупционных правонарушений современные исследователи все чаще обращаются к анализу феномена коррупции с различных точек зрения: экономической, правовой, социальной, этнической, моральной, нравственной. Их интересуют причины коррупции, особенности ее проявления и последствия, возможности противодействия (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015; и др.).

В современной научной литературе коррупция рассматривается отечественными и зарубежными авторами под различными углами зрения: как общенациональная проблема (Э. Мигел, Р. Фисман), как социально-правовой феномен (Д. И. Аминов), как угроза экономической безопасности государства (А. А. Цвырко), как исторически обусловленный феномен (В. Р. Соловьев), как общемировая проблема (Й. Ламмерс, С. Роуз-Аккерман).

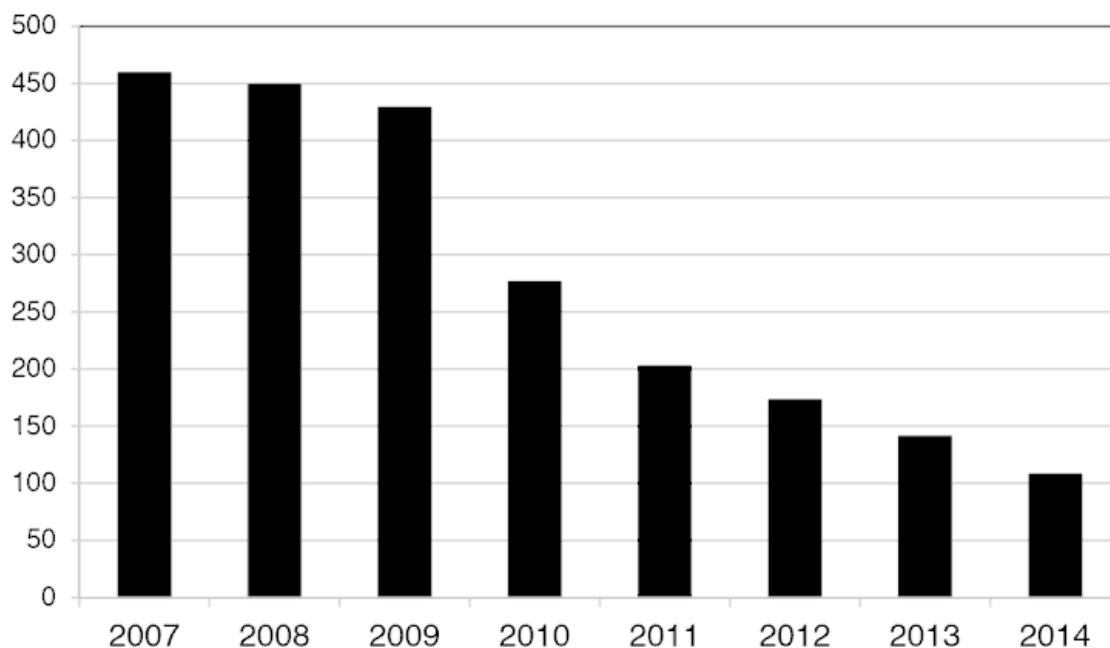

Рис. 1. Динамика общего числа зарегистрированных экономических преступлений в 2007–2014 гг. (см.: Статистика..., 2014)

Большое внимание уделено частным особенностям и сферам проявления коррупции. Представлены работы следующей тематики: коррупция и бюрократизм (Г. И. Иванов), коммерческий подкуп (С. Д. Красноусов), институциональная коррупция (Л. М. Тимофеев), коррупция на дорогах (М. А. Краснов), индикаторы вузовской коррупции (В. Н. Конышев, А. А. Сергунин), коррупция в системе органов внутренних дел (А. А. Макаров). Пристальное внимание исследователей привлекают проблемы борьбы с коррупцией (Ю. П. Гармаев, В. Г. Гриб, А. М. Жукаев, Э. Ю. Козонов, С. В. Максимова, Л. Е. Окс).

Коррупция как психологическая проблема активно изучается и психологами (Ю. А. Антонян, О. В. Вановская, А. Л. Журавлев, Л. М. Закирова, В. А. Соснин, А. В. Юревич).

Современные психологи выделяют различные теоретические и практические аспекты проблемы, исследуют разнообразные структурные, содержательные и процессуальные элементы коррупции, коррупционных правонарушений, коррупционного поведения. Выделяются следующие направления исследований:

- психология субъектов коррупционных отношений (коррупционеров и коррумпируемых), игровые мотивы коррупции, феномен круговой поруки коррупционеров, общественное отношение к коррупции и коррупционерам (А. Л. Журавлев, А. П. Лиферов, В. А. Соснин, А. В. Юревич);
- психологические особенности формирования коррупционного поведения у госслужащих (Е. Е. Гаврина, Д. В. Сочивко);
- психологические методы противодействия коррупции с учетом индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей субъектов правоотношений (Ю. А. Антонян, Е. Е. Гаврина, А. В. Молоткова, Т. А. Симакова);
- взаимосвязь коррупции и агрессии (высказываются предположения, что основным фактором склонности к коррупции выступает скрытая агрессия) (А. В. Юревич, Д. В. Ушаков, И. П. Цапенко);

- психологические причины коррупционного поведения, такие как низкий уровень правосознания населения, многовековая историческая предрасположенность к коррупционному поведению (Ю. М. Антонян);
- психологические особенности вымогательства и взяточничества (К. А. Болотова, О. М. Иванова, В. М. Статный, О. В. Цикайло);
- нравственные аспекты коррупционного поведения (А. В. Сульдина);
- коррупционная устойчивость личности (Э. П. Бахчиева);
- социально-психологические факторы коррупции: организованный характер коррупции (коррупционные сети), ее размах и др. (С. В. Алексеев);
- исторический анализ коррупционных преступлений (Ю. А. Антонян);
- представления молодежи о коррупции; противодействие коррупции через систему образовательных учреждений (Д. А. Китова).

На сегодняшний день психологами выявлены и описаны специфические психологические феномены коррупционного поведения. Так, согласно зарубежным исследованиям, наибольшую опасность для общества при совершении коррупционных преступлений представляют коррупционеры с высокими интеллектуальными и творческими способностями. А. Л. Журавлев и А. В. Юревич выделяют следующие типично российские феномены: «толерантность к коррупции», т. е. осуждение населением не самих коррупционных актов, а излишне высоких ее размеров; приоритет неформальных отношений над формальными; размытость границ между взяткой и благодарностью (Журавлев, Юревич, 2013).

Под влиянием неблагоприятных социально-экономических условий, потока хаотичной, нерегулируемой информации, в молодежной среде складываются асоциальные представления о способах достижения материального благополучия, а коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут жизнедеятельности современного человека. В частности, психологи отмечают, что современная молодежь, вступая в самостоятельную жизнь, воспринимает коррупцию как естественную составляющую современной социальной среды, считает ее атрибутом взрослости, связывает с умением решать проблемы и преодолевать трудности (Соснин, 2014; Китова, Егизов, 2015).

Проведенные нами ранее исследования среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет показали, что достижение экономического благополучия более трети всех респондентов (35,7 %) связывают с нелегитимными способами обогащения, среди которых: незаконное присвоение активов, коррупция, взяточничество, искажение отчетности и т. д. (Китова, 2015).

Сложившаяся ситуация требует глубокой научной рефлексии: выявления особенностей развития экономического правосознания населения и его отношения к коррупции, выделения социально-психологических факторов и условий совершения коррупционных преступлений и разработки социально-психологических технологий профилактики коррупции и формирования антикоррупционного сознания общества. Эти позиции и определили структуру настоящего социально-психологического исследования феномена коррупции.

Композиция монографии продиктована общей логикой научного подхода к исследованию психологии социальных явлений.

Во введении обосновывается актуальность проблемы исследования, цель, задачи и структура научного анализа.

В первой главе представлены теоретические подходы к социально-психологическому исследованию феномена коррупции в современной научной литературе: анализируются социально-психологические факторы коррупции; приводится системный анализ социально-психологического аспекта проблемы коррупции в России; рассматриваются состояние и перспективы исследования коррупции в зарубежных социально-психологических исследованиях.

Во второй главе обосновываются методологические подходы и методический инструментарий исследования коррупции в отечественной и зарубежной литературе. Рассматриваются, в частности, междисциплинарные подходы и методологические сложности исследования коррупции; исторически сложившиеся концепции и концептуальные подходы к изучению феномена; основные социально-психологические особенности исследования коррупции в условиях глобализации; проблемы эмпирических методов исследования и индикаторов измерения коррупции в современной социологии и социальной психологии.

В третьей главе представлены методологические подходы, социально-психологический инструментарий и результаты эмпирического исследования отношения различных слоев населения (несовершеннолетние, молодежь и трудоспособное население) к коррупции и коррупционным правонарушениям. В частности, анализируются социально-психологические предпосылки и факторы коррупции в экономическом сознании старшеклассников, дескриптивные структурно-содержательные особенности представлений молодежи о коррупции, ее последствиях и возможностях противодействия, социально-психологические особенности отношения взрослой части населения к коррупции и коррупционным правонарушениям.

В четвертой главе произведен сравнительный анализ социально-демографических и уголовно-правовых особенностей личности осужденных за коррупционные преступления, выявлены их индивидуально-психологические особенности, проанализированы социально-психологические условия совершения подобных преступлений.

В пятой главе анализируются общее состояние и перспективные векторы социально-психологических направлений борьбы с коррупцией, среди которых можно выделить социогуманитарные платформы и социально-психологические технологии противодействия коррупции, формирование экономического правосознания молодежи и т. д. Приводится анализ фундаментальных и поисковых исследований, выявивших наиболее действенные социально-психологические механизмы противодействия коррупции.

Заключение содержит общие выводы и перспективный анализ состояния социально-психологических исследований коррупции в России и за рубежом, а также включает в себя выделение и обоснование наиболее перспективных направлений социально-психологического исследования коррупции.

Глава 1. Теоретические подходы к социально-психологическому исследованию феномена коррупции

1.1. Социально-психологические факторы коррупции как предмет психологического исследования

Коррупция как социально-психологическая проблема

Исследователи подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое (Grossman, Trempl, 1987), системно организованное социальное явление, имеющее экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие (Глинкина, 2010). Присутствует в нем и *психологическая составляющая*: имея самостоятельное значение, она органически включена в перечисленные – социальную, управленческую, этическую и др. Это порождает острую необходимость включения психологической науки в междисциплинарное изучение коррупции, а психологической практики – в ее искоренение.

Психология только начинает присоединяться к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015). В частности, справедливо отмечено: «В современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 188). При этом «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность: в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишенные потребностей и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» (Антонян, 2011, с. 2). Такого рода дисбалансы в исследовании проблем коррупции, особенно психологических ее аспектов, сохраняются до сих пор, о чем свидетельствуют многие авторы (Соснин, 2014; Журавлев, Юревич, 2015; Китова, Найманова, 2016; и др.).

Тем не менее, *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования начинает формироваться (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015; Соснин, 2014; Соснин, Журавлев, 2013а; Нестик, 2014; Юревич, Журавлев, 2012, 2013, 2014). В психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как стремление общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. (Социально-психологические исследования..., 2010). Психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. Они, как правило, полагают, что *расплата за их коррупционную деятельность не наступит никогда*¹. Для них характерны такие виды психологической защиты,

¹ Аналогичный эффект выявлен в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близорукостью».

как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Это убеждение позволяет коррупционерам, за счет включения механизмов психологической защиты, отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («Все так делают: кто-то больше, а кто-то меньше») и сохранять психологический комфорт, интерпретируя свои поступки как своего рода «экспроприацию экспроприаторов» (т. е. восстановление ранее нарушенной справедливости).

В описанных исследованиях выявилась также взаимосвязь коррупции и агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не обнаруживается. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупции служит скрытая агрессия; стало быть, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества (Юревич, Ушаков, 2009) вносит большой вклад в распространенность коррупции. Сказывается и нравственная атмосфера: в частности, трудно не согласиться с писателем Д. Корецким в том, что «все упирается в честь и совесть. Законы – вторичное явление» (Оберемко, 2012, с. 3).

Любопытные результаты дало социально-психологическое изучение *мотивов коррупционного поведения*, которое высветило два ведущих из них: достаточно очевидный, состоящий в стремлении к материальным благам, и менее тривиальный, заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре (Антонян, 2011). По мнению Ю. М. Антоняна, «Игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняют как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» (там же, с. 3).

Следует подчеркнуть, что и сам индекс коррупционности, широко используемый Transparency International, во многом «психологизирован», поскольку основан на экспертных оценках. А для придания ему более объективного характера необходим учет психологических механизмов вынесения таких оценок, их психологической специфики в разных странах и культурах, а также учет других социально-психологических факторов (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015).

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции (вообще в данном случае дисциплинарная граница очень условна), проводимые фондом ИНДЕМ². В частности, фиксируются такие характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм (Диагностика российской коррупции..., 2001). Они согласуются с приведенными выше данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты, отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. Отметим в данной связи, что, согласно данным зарубежных исследований, наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются высокоинтеллектуальные и творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач (Психологи изучили причины коррупции, 2011). В результате некоторые коррупционные схемы (например, схема организации коррупционной деятельности на таможне) поражают своей изощренностью и совершенством.

стью» (Психологи изучили причины коррупции, 2011).

² Естественно, они ведутся и в других странах. Например, группа ученых из Института социологии г. Лунд (Швеция) провела интересное исследование под рубрикой «Взятки и мораль», в котором выявились, в частности, пять основных элементов стереотипа взятки, существующих в массовом сознании: 1) секретность, 2) ценность, 3) производство выгоды, 4) четкая последовательность (сначала дар, потом услуга), 5) принятие дара на дистанции от дарителя (см.: Церкаевич, 2012).

Отношение к коррупции в российском обществе

Исследователи проблемы подчеркивают три важных свойства российского отношения к коррупции, непосредственно связанные с нашей массовой психологией.

Первое – *толерантность* к коррупции, отношение к ней как к повсеместному («воруют», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю. Ю. Болдырев, «сама идея нормальности „минимума коррупции“ уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» (Болдырев, 2010, с. 457). А в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции – относительное спокойствие и равнодушие» (Диагностика российской коррупции..., 2011, с. 2).

Второе важное свойство нашего отношения к коррупции состоит в том, что выраженное осуждение получают не сами по себе акты коррупции, а лишь *запредельные размеры взяток*, в особенности если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, случай, когда рядовой следователь требовала с предпринимателя взятку в 3 миллиона долларов. Получается, что, если бы взятка имела более скромные размеры, все обошлось бы?

Третья регулярно акцентируемая особенность российского отношения к коррупции – *непоследовательность и противоречивость*. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение – другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается в качестве вынужденного ответа на объективные обстоятельства («не подмажешь – не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает отрицательной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Отвечая на вопрос о том, кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционных сделок, более трети респондентов называют чиновника, а чиновники, оценивая свой собственный опыт таких сделок, составляют лишь 17 % респондентов (Диагностика российской коррупции, 2001). Очень симптоматично и восприятие нашими согражданами своего поведения в соответствии с формулой: «Да, взятки берем, но решаем по совести». Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии (Андреева, 1997; и др.).

Важная социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции, состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, «неуставных» над «уставными» (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015). Как отмечает Т. А. Нестик, «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» (Нестик, 2002). В результате обмен ненормативных услуг на деньги как всего лишь одна из форм коррупции дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и т. п. В этой связи следует подчеркнуть, что в слове понятие коррупции (от лат. *corruptere* – «портить») определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 191). В международных же документах, касающихся коррупции, взятки в денежной форме вообще не упоминаются. Например, коррупция определяется как «злоупотребление властью или понятием доверия ради персональных привилегий или в пользу привилегий другому лицу или группе лиц, к которым наблюдается отношение лояльности» (цит. по: Церкаевич. 2012, с. 532). «Взятка, – пишет В. Радаев, – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно

для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» (Радаев, 1998, с. 162). Вместе с тем подобные виды коррупции в отличие от ее материальных форм вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченные возможности.

Нашей российской культуре, как и другим, не изжившим элементы патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, в том числе и властными структурами, всевозможные «серые кардиналы», «банановый» (по родственному признаку) механизм приближения к власти и т. п. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг» (Алексеев, 2011). Отсюда проистекают такие очень характерные для нашего общества явления, как, например, то, что жены высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. А «родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти» (Коррупция, 2011). Сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. Справедливо отмечено: «Не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» (Цепляев, Пивоварова, 2011, с. 4), – в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах. Нет и закона об инсайдерстве, который запрещал бы чиновникам использовать служебную информацию в целях личного обогащения, а также предоставлять ее своим родственникам и знакомым. Бытовой лексикон россиян изобилует такими выражениями, как «искать выход на» (далее указывается имя «большого начальника»), а для поведенческой практики наших сограждан очень характерно, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве виновников, тут же начинать звонить не в ГАИ и не в службу Скорой помощи для спасения пострадавших, а своим друзьям и знакомым, дабы «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от нее зависящего, готового взаимодействовать с государством только через „черный ход“ беззакония» (Дубин, 2011, с. 19).

Привычка добиваться чего-либо «через черный ход» – по знакомству, по блату и т. п., органически внедренная в российский менталитет и крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращена не на товары народного потребления, а на другие цели (Журавлев, Юревич, 2015). Исследование, проведенное в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, продемонстрировало: на вопрос «Что необходимо, чтобы стать богатым в России?» 63,6 % выбрали ответ «Иметь нужные связи» (Нестик, 2002). Другой опрос показал, что проблему борьбы с коррупцией 86 % населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40 % выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике (Клямкин, Тимофеев, 2000), очевидно, не видя связи одного с другим. А по данным фонда ИНДЕМ необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся. Активную же антикоррупционную установку имеют лишь 13 % предпринимателей и 15 % граждан (Диагностика российской коррупции..., 2001). В подобных условиях не выглядит удивительным, что, вступая в международные организации по борьбе с коррупцией, такие как ГРЕКО, наша страна

систематически не выполняет соответствующих конвенций, в частности, не вводит закон о конфискации имущества коррупционеров и их ближайших родственников.

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие российскую склонность к коррупции: 1) коррупция – это пережиток советской экономики дефицита; 2) психология взятки укоренена в традиционных для патриархальных культур отношениях одаривания; 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей специфической рыночной экономики (Алексеев, 2011). В то же время идея о том, что коррупция не возникает на пустом месте, а служит продолжением отношений, характерных для данного общества, нуждается в уточнении применительно к разным уровням таких отношений. В частности, если на низшем уровне коррупция представляет собой «верхушку айсберга» традиций одаривания и других видов патриархальных отношений, то на высшем уровне выглядит лишь как одно из свидетельств бесконтрольности власти.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «неуставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *организованный характер*. С. П. Глинкина отмечает: «„Коррупционер-одиночка“ в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс „корпоративизации коррупции“» (Глинкина, 2010, с. 443). В результате Россия причисляется не просто к коррумпированным, а к *системно коррумпированным* странам (Ниненко, 2012).

В таких «сетях» отчетливо выражены горизонтальное и вертикальное «измерения». Горизонтальное проявляется в тех случаях, когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», а другой воздерживался от этой практики. Вертикальное – в ситуациях построения коррупционных структур как «коррупционных вертикалей», в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т. д. Попадая в коррупционные сети, практически невозможно остаться некоррумпированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся избавиться. Коррупционеры «своих не сдают», отчетливо проявляется феномен круговой поруки. «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» (Алексеев, 2011, с. 2). Что-либо изменить в соответствующих структурах можно только извне и при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррумпированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть „отката“ руководителю фирмы и т. д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» (Глинкина, 2010, с. 443).

Следует отметить и то, что в отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015; Соснин, 2014; Соснин, Журавлев, 2013а; Нестик, 2014; Юревич, Журавлев, 2012, 2013, 2014). Еще с советских времен у нас принято считать, что некоторые виды услуг предполагают выражение благодарности, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, хотя оказывающие такие услуги должны это делать бесплатно. Скажем, многие считают просто неприличным прийти, например, к врачу поликлиники без подарка. Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что «так принято». (Вспо-

минаются слова из «Песенки про Черного Кота» Б. Окуджавы: «Каждый сам ему выносит / И спасибо говорит»). И неудивительно, что основная часть коррупционного оборота приходится в нашей стране не на долю постоянно критикуемых чиновников, а на представителей таких профессиональных групп, как врачи, учителя, таможенники, пожарные и т. п. Такие подношения воспринимаются в нашей стране не как коррупционные, а как выражающие естественную человеческую благодарность, однако встречают полное непонимание в других культурах (так, добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой).

Многие из нас считают нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как *коррупционное преступление*. Причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, т. е. количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает сейчас коррупционный спрос, т. е. количество случаев вымогательства (Алексеев, 2011).

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод: коррупция в России, особенно в современной, – «это больше, чем коррупция», даже при ее самом широком толковании в международных программах борьбы с ней. Она оценивается как *наш образ жизни* (Гудков, 2010). Возможно, это преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» (Диагностика российской коррупции..., 2001, с. 2).

Кроме того, наша страна испытывает воздействие общемировых закономерностей проявления коррупции. Так, например, доказано, что уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм, которые еще не закреплены в законах, и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников (Huntington, 1968), поэтому, в частности, радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников рассматривается в качестве одного из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также аномия, равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовый цинизм и утрата здравого смысла (Klitgaard, 1991). Коррупция связана с различными чертами национальной общественной жизни, например, с традицией делать подарки (Antvig, 1991; Arunthanes, Tansuhaj, Lemac, 1994), с такой характеристикой, как коллективизм-индивидуализм (LaPalombara, 1994), с особенностями религиозных конфессий (LaPorta et al., 1999) и с другими факторами. В результате *«коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры»* (Нестик, 2002).

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований социокультурной обусловленности коррупции (Журавлев, Юревич, 2010; Журавлев, Юревич, 2013). Высказывается, например, точка зрения, согласно которой «антикоррупционная этика базируется на определенном западноевропейском идеале» (Церкасевич, 2012, с. 538), что подтверждается более низким уровнем коррупции в европейских странах по сравнению с неевропейскими³. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность абсолютизации подобных позиций, ведь если уровень коррупции определяется вековыми особенностями национальной культуры, то

³ В целом же по Индексу восприятия коррупции (ИВК) из 174 стран, для которых он рассчитывается, лишь 24 (14 %) страны определяются как страны с низким уровнем коррупции, а для остальных она представляет серьезную проблему (Нисневич, 2012). При этом и в странах с низким уровнем коррупции, например, в Швеции, с ней тоже далеко не все благополучно (см.: Церкасевич, 2012). Отмечается, что «коррупция имеется во всех странах, но особенно она распространяется в государствах, где правовая система, средства массовой информации и государственное управление слабые и неразвитые» (Церкасевич, 2012, с. 534).

попытки его снижения выглядят обреченными на провал. Существуют опровержения таких представлений, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ощутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм в данном плане внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия (Психологи изучили причины коррупции, 2011). Однако, возвращаясь в родные, высокор腐умпированные страны, они снова берутся за старое – начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» (там же).

Социально-психологические факторы коррупции можно сгруппировать в системе трех основных компонентов, которыми являются: 1) коррупционер; 2) коррумпирующий; 3) их окружение – косвенные участники коррупционных актов. Как отмечает Т. А. Нестик, «коррупция – это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон... эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» (Нестик, 2002, с. 2). Следует подчеркнуть, что традиционная трактовка коррупционных актов обычно игнорирует их *третью сторону*, учитывая лишь коррумпируемого и коррумпирующего, в результате чего за пределами анализа остаются важнейшие механизмы коррупции и соответствующие социально-психологические процессы. Как подчеркивает Л. В. Церкасевиц, «В коррупцию вовлечены обе стороны, т. е. дающий и берущий, хотя обычно в фокусе внимания находится только берущий» (Церкасевиц, 2012, с. 533).

Можно выделить и основные проблемы, возникающие в связи с социально-психологическим изучением коррупции. К их числу относятся: 1) макропсихологические факторы коррупции; 2) социально-психологические особенности коррупционеров; 3) социально-психологические характеристики коррумпирующих; 4) социально-психологические факторы отношения к коррупции в обществе; 5) психологические меры противодействия коррупции; 6) психологический мониторинг антикоррупционных законов; 7) этнопсихологические типы коррупционного поведения; и др.

1.2. Социально-психологические исследования коррупции в России

Проблема коррупции получает освещение в современной российской социально-психологической литературе (Нестик, 2002; Нестик, Латов, 2002; Социально-психологические исследования..., 2010; Глинкина, 2010; Гаврина, Балашов, 2011; Гаврина, 2012; Журавлев, Юревич, 2012а, б, в; Соснин, 2014; Журавлев, Юревич, 2015; Китова, Егизов, 2015; Китова, Найманова, 2016; и др.).

К сожалению, социально-психологические исследования коррупции не имеют общей методологии и системного подхода к изучению проблемы. Они в основном основаны на аналитических соображениях авторов. Понятно, что эмпирические исследования проблемы коррупции исключительно затруднительны: коррупционер (потенциальный или реальный) независимо от своего ранга не склонен делиться с исследователем данными о своих коррупционных возможностях.

Социологи и особенно юристы в исследовании проблемы коррупции в России занимают ведущее позиции. Можно сослаться на базовый отчет Института ИСПИ РАН «Разработка научно обоснованных социологических параметров проявления коррупции» (2013): это современное исследование, содержащее анализ проблемы коррупции с позиции социологической науки, включает отдельные вопросы, относящиеся к социально-психологической проблематике и юриспруденции.

Социологи претендуют на анализ социально-психологических методов исследования коррупции (Климовицкий, Каропова, 2013). Понятно, что социологические и социально-психологические методы анализа (особенно опросные методики в области измерения параметров коррупции) и для социологов, и для психологов одинаковы. Но социально-психологические методы исследования имеют свои особенности и не могут сводиться только к опросам и аналитическим обобщениям статистической информации: они должны раскрывать самочувствие человека, его отношение к другим людям, характеризовать индивидуальные и коллективные особенности восприятия и оценки коррупционных явлений. Таким образом, психолог не может ограничиться фиксированием особенностей коррупционного поведения больших и малых групп, ему нужны дополнительные методики для исследования психологических особенностей влияния коррупции на отдельных людей, группы и общество в целом.

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных, соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем еще в 2000 г. наша страна находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Объем коррупционных сделок увеличился в России с 40 млрд долл. в 2001 г. до 300 млрд долл. в 2006 г. (Глинкина, 2010). Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл., средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10 % от стоимости заказа, в середине 2000-х годов – 30 %, в конце же 2000-х – до 70 % (Александров, 2011). А в 2011 г., по данным МВД, в нашей стране было совершено 28000000 (!) коррупционных актов. По данным Следственного комитета, в нашей стране совершается 14 млн. коррупционных преступлений в год, оборот взяток и откатов составляет 480 млрд долл. Почти 90 % российских бизнесменов не верят, что свое дело в нашей стране можно вести без коррупционных связей. К Антикоррупционной хартии, принятой в 2012 г., присоединились только 400 представителей бизнеса и госкорпораций (Генина, 2014). Опросы ВЦИОМ показывают, что, по мнению 80 % россиян, уровень коррупции в нашей стране, несмотря на все принимаемые меры, остается высоким (Оберемко, 2014).

При этом, если верить СМИиК, в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Отечественная рыночная эконо-

мика – самая «рыночная» в мире в том печальном смысле, что у нас продается многое: не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и т. д. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», – отмечает С. П. Глинкина (Глинкина, 2010, с. 236). Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе (Цепляев, Пивоварова, 2011, с. 4), говорится о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки (Диагностика российской коррупции..., 2001). Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» (Глинкина, 2010) и т. п., причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае в среде журналистов.

Все чаще звучат утверждения: «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» (Болдырев, 2010, с. 460), «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» (Глинкина, 2010, с. 444), «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является самым массовым» (Диагностика российской коррупции..., 2001), «Коррупция для России страшнее НАТО» (Гудков, 2010) и др. А опросы показывают, что первейшим условием модернизации страны наши сограждане считают жесткую и эффективную борьбу с коррупцией (Мареева, 2012).

В психологии русского народа (как русского – основного этноса России, – так и других традиционных национальностей страны) есть внутренние факторы, связанные с культурно-психологическими традициями отношения к преступлениям и коррупции. О них говорится подробнее в различных разделах данной монографии и в ряде социально-психологических исследований коррупции у других авторов (см., например: Журавлев, Юревич, 2012). Однако попытаемся рассмотреть их здесь более системно.

Конечно же, психологические проблемы, присущие нашей культурной традиции в отношении к преступлениям вообще и к коррупции в частности, независимо от влияний Запада, существуют (Решетников, 2008; Максимцев, Локшина, Бахрах, 2011, с. 26–33). Одна из них – превалирование в психологии русского народа неформальных отношений над формальными. Это, в частности, проблема кадровых назначений по принципу родственных и личных связей, свойственная и другим национальностям России (например, проживающим в регионе Северного Кавказа).

Кроме этого, в нашей культурной традиции нет особого разграничения понятий «взятка» и «благодарность». Неспособность отблагодарить госслужащего, врача или сантехника за получение услуги трактуется подчас как проявление неуважения к нему; в современной же законодательной практике – это взятка, за которую могут посадить. Соотношение берущих и дающих взятки склоняется не в пользу первых, т. е. взятку в России просят в 5 раз меньше, чем ее предлагают (Журавлев, Юревич, 2012). В нашем обществе считается, что лучше дать взятку, чем бороться с коррупцией, и это мнение, на наш взгляд, соответствует социокультурному архетипу русского человека, хотя и многие условия в современной России также способствуют сохранению такой тенденции.

В этой связи возникает вопрос: почему российский народ в целом так стал подвержен коррупции в современных условиях? Конечно, важнейшая причина – смена социально-политической системы государственного устройства, а в этой связи – коррупция в высших эшелонах власти, которая заразительна. Но остается базовый вопрос: почему население страны так поддалось на меркантильную ориентацию в своей жизни? Это же нельзя объяснить только влиянием Запада.

Приходится констатировать следующее: *в нашем культурном архетипе как цивилизации есть базовые причины склонности и к преступлениям в целом, и к преступлениям в сфере коррупции*. Эти aberrации в психологии нашего народа, несомненно, требуют своей коррекции, в том числе и проведения целенаправленной политики со стороны властных структур (Журавлев, Юревич, 2012).

Не будем перечислять рекомендации социальных психологов по борьбе с коррупцией: проблематику пропаганды в СМИ против коррупции, изменение отношения российского населения к данной проблеме (это, как представляется, объективное требование). Отметим только один вариант борьбы с коррупцией в стране.

В психологии русского народа (да и других национальностей России) доноительство осуждается в целом в соответствии с нашим культурным архетипом. Истоки такого отношения могут быть связаны со «сталинскими временами», с «тайными осведомителями» советской власти (порождавшими всеобщее недоверие и взаимную подозрительность) или провоцироваться недоверием власти. Одним словом, с этим феноменом полезно разобраться подробнее. В западных странах сообщение о взятке – *не доноительство, а обязанность человека помогать правосудию*. Если гражданин видит что-то противоправное в поведении людей, он не только имеет право, но обязан обратиться в правоохранительные структуры (достаточно подать анонимное заявление). На всех стендах правоохранительных структур присутствует подробная информация – куда, как, к кому обратиться (с указанием телефонов).

Совсем иначе дело обстоит в современной России: человек, который хочет заявить о неблагополучной ситуации, должен пройти длительную процедуру представления заявления в правоохранительные структуры с обязательным указанием своих установочных данных. Кроме этого, заявитель не знает, предъявят или не предъявят правоохранительные органы его заявление коррупционеру, который может предпринять жесткие контрдействия в отношении заявителя. Все это позволяет утверждать, что психологические аспекты противодействия коррупции мало исследованы как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, что оказывает негативное влияние на эффективность антикоррупционной политики государства, реализуемую полномочными органами.

Известный русский философ и мыслитель XX в. Н. О. Лосский в работе «Характер русского народа» (Лосский, 1957) проводит мысль о том, что русский человек не делает различия между понятиями «*доноительство*» и «*гражданская ответственность*»; он в принципе отвергает участие человека в предотвращении преступлений, даже если они совершаются на его глазах. Но эту черту характера русского человека нельзя признать императивно правильной, поскольку участие в социальной жизни должно подразумевать и его активность для сохранения социального порядка в обществе. Конечно, русский человек понимает, что такое «доноительство», а что такое «гражданская ответственность», просто у него нет положительного исторического опыта в этом отношении. К данной проблеме в плане идеологической (или шире – информационной) политики следует относиться исключительно осторожно. Но в целом этот аспект культурного архетипа русского человека в современных условиях необходимо изменять, о чем говорят многие исследователи (Лосский, 1957; Федотов, 2013).

В этой связи представим рассуждения цитированного выше Л. Федотова (Федотов, 2013), которые как бы «подтверждают» вышеприведенные позиции в отношении «отсталой архаичной цивилизации», к которой принадлежит, по его мнению, Россия. Он утверждает, опираясь на рассуждения С. Хантингтона, что нашей стране нужно стремиться к ценностям передового Запада: «Во-первых, модернизация связана с изменением базовых ценностей общества... она означает постепенное принятие группами... универсальных норм, ориентированных на успех, формирование лояльности индивида нации-государству и их идентификации с ним, а также распространение представления о том, что граждане имеют равные права и равные обязанности по отношению к государству» (Хантингтон, 2004, с. 76).

Автор показывает, что эти нормы сначала принимают студенты, офицеры, выезжающие за рубеж граждане. Они начинают оценивать свое общество, исходя из них (подразумевается – норм западной цивилизации), и так постепенно традиционные нормы перестают быть общепринятыми.

В связи с этим Хантингтон считает коррупционное поведение в меняющихся обществах лишь *отчасти* является отклонением от традиционных норм (норм поддержания социальных связей), и в большей мере – отклонением от формирующихся новых (демократических) норм поведения.

Далее Хантингтон, рассуждая о процессах демократизации в меняющихся обществах, говорит о механизмах трансформации общественных ценностей. В частности, автор отмечает, что ставятся под сомнение прежние культурные стандарты, формулируются вопросы, способствующие размыванию легитимности традиционных ценностей. Конфликт между формирующимися современными ценностями капиталистического уклада жизни и традиционными нормами в меняющихся обществах открывает для индивидов возможность действовать противоправно, отталкиваясь от новых, зарождающихся концепций противодействия традиционализму. Новые стандарты приводят, по его мнению, прежде всего «к осуждению традиционных форм поведения... и осуждению по меньшей мере некоторых из них как противозаконных» (там же).

Иначе говоря, «коррупцию в модернизирующемся мире можно рассматривать как отклонение (девиацию) от традиционных норм в личностном развитии индивида, в том числе и в его профессиональной деятельности», и как переход к новому качеству отношений (там же). В «подобных исторических условиях, свойственных переходу от „традиционности“ к „современности“, коррупцию нельзя считать абсолютным злом». Напротив, доказывает автор, коррупция выполняет социальную функцию поддержки демократических преобразований. А излишняя борьба с ней (нагнетание антикоррупционных общественных настроений, например) в модернизирующихся обществах может принести больше вреда, чем собственно коррупция. Таковы позиции западного общества и наших либералов: коррупция служит механизмом неревolutionного (бескровного) перехода от традиционных культур⁴ к демократическим (современным).

Но, на наш взгляд, это не означает, что коррупция в современной России является продуктом ее следования ценностям демократического (западного) мироустройства. Нам нужно скорректировать нашу политику в отношении борьбы с преступлениями, включая коррупцию, независимо от наших социокультурных предпочтений и традиций (делать подарки, например). Необходимо активное привлечение населения к борьбе с преступлениями вообще и с коррупцией в частности, которое может существенно помочь в противостоянии этому злу.

Для подтверждения приведенных выше рассуждений обратимся к работам российских ученых.

В монографии В. М. Познякова представлено исследование коррупции в сфере образования: «Согласно обнародованному Верховным Судом РФ рейтингу профессий в 2008 г. на третьем месте среди осужденных за взятку оказались преподаватели образовательных учреждений» (Позняков, 2012, с. 26). Опросы общественного мнения свидетельствуют, что 83 % родителей считают необходимым для своих детей получение высшего образования. При этом 75 % готовы пойти на материальные траты, включая коррупционные, и 65 % из них считают, что это им по карману.

Коррупция в образовательной сфере стала обычной (там же, с. 27; Зернов, 2013). Признается, что «коррупция в сфере образования есть следствие падения нравов в обществе и под-

⁴ Традиционная культура представляет собой устойчивую, нединамичную культуру, характерной особенностью которой является то, что происходящие в ней изменения совершаются очень медленно и поэтому практически не фиксируются ее коллективным сознанием.

мены реальных ценностей мнимыми» (Лемуткина, 2007). В выводах В. М. Поздняков отмечает «крайне низкую правовую культуру граждан и наличие стереотипов обыденности взяточничества в высшей школе... ради мошенничества» (Поздняков, 2012, с. 30; Цагикян, 2005). Автор приходит к выводу: коррупцию в сфере образования следует рассматривать не только как недостатки системы образования в стране, но и как «условие блокирования развития нравственной культуры у подрастающего поколения» (там же, с. 31). Краткий анализ этой работы – пример того, что социально-культурная специфика отношения к коррупции у российских граждан имеет свои внутренние детерминанты, независимо от внешних влияний.

В другой работе рассмотрен вопрос противодействия коррупции в правоохранительных органах России на примере одной из правоохранительных структур (Ананьев, 2010, с. 164–181). Нет возможности останавливаться подробно на содержании статьи, но основной вывод автора однозначен: в правоохранительных органах России в отношении к коррупции *есть своя национальная специфика* и ее необходимо обсуждать.

А. Лифшиц, отвечая на вопрос одной из московских газет, говорил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы (Глинкина, 2010, с. 427–455). Сходные позиции высказывали А. Чубайс и Г. Попов. Нет смысла продолжать иллюстрации.

В целом можно сказать, что проблема коррупции в России не только экономическая, не только социально-психологическая. Это и проблема внутренних психологических особенностей и ориентаций российского человека, связанная с его социокультурным архетипом. С государственных позиций нам необходимо с критической долей ответственности понимать недостатки нашего национального характера и менталитета и не списывать все на «козни» Запада.

В заключение можно сделать ряд обобщающих выводов.

Введение конфискации имущества коррупционеров в России – вопрос, который давно назрел для обсуждения и на уровне общества, и политической воли властных структур. Конечно, обсуждение его на уровне общенационального референдума в стране фактически крайне затруднительно, учитывая российские законы. Население страны само по себе не может ничего изменить. Народ отрешен от политики властных структур. Поэтому рационально было бы властным структурам передать данный вопрос для анализа и обсуждения представителям общественных наук, чтобы вскоре получить *обратную связь* как обобщенное мнение общества – и на этой основе сделать выводы для политических действий.

В послании Президента Владимира Путина Федеральному собранию страны 2012 г. (Послание..., 2012) содержалось много позитивных идей в отношении развития страны в глобальном противостоянии вызовам кризисного развития современной цивилизации, включая проблему коррупции в стране. Была заявлена позиция необходимости декларации не только доходов, но и расходов госчиновников и их близких родственников. Введены юридические ограничения поведения для госслужащих властных структур государства. Даны права прокуратуре *обращаться в суд* для рассмотрения вопроса об изъятии имущества госслужащих, которые не смогли подтвердить его приобретение, исходя из своих доходов.

Властные структуры государства объективно понимают, заявляя о приверженности национальным интересам России, на *что* они должны ориентироваться в грядущих катаклизмах развития мировой цивилизации. Они в принципе понимают, *что* делать для управления общественным сознанием и поведением больших масс населения своей страны. Эти технологии управления общественным сознанием и поведением народа существуют (Журавлев, Нестик, Соснин, 2012а, б; Грачев, 2004; Соснин, 2012а; и др.). Их нужно использовать на благо страны и народа. Все зависит от политической воли руководителей России.

1.3. Зарубежные социально-психологические исследования коррупции

Разделить исследования коррупции в зарубежных социогуманитарных науках строго на социально-психологические, экономические, юридическо-правовые и т. д. достаточно затруднительно. И это вполне объяснимо, поскольку основная ориентация таких исследований в западной цивилизационной идейной парадигме – чисто прагматическая.

Но это не означает, что в зарубежных социогуманитарных науках нет исследований, анализирующих коррупцию (ее базовые фундаментальные факторы) как социополитическую проблему цивилизации. Их число значительно (Campos, Pradham, 2007; Rotberg, 2009; Giriling, Giriling, 1997; Cockcroft, 2012; Bull, Newell, 2003; Kotkin, Sajó, 2006; Jonhson, 2005; Rose-Ackerman, 2007; Fletcher, Herrmann, 2012; Spector, 2005; и др.). Сделаем краткий обзор некоторых работ.

Западные исследователи, как и отечественные, понимают, что коррупция возникает из столкновения потребностей бизнеса и потребностей государства, и именно в этом кроется главное объективное противоречие в решении проблемы коррупции. Так, Лауренс Кокрофт (Cockcroft, 2012) утверждает, что коррупция играет главную роль в определении современного состояния мира: от массовой бедности в развивающихся странах до разрушения естественных ресурсов и до эрозии доверия политическим партиям. Автор утверждает, что коррупцию можно рассматривать как результат взаимодействия элит. Он показывает, как рост коррупции обуславливается и детерминируется глобализацией и «офшоризацией» финансовых рынков. Предлагаются способы решения проблем коррупции, включая контроль за «офшорными схемами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.